Илья Муромец и Калин

Ай во славном было городи во Киеви,
Там ведь жил-был старая стары́ньшина да Илья Муромець,
Илья Муромець был да сын Ивановиць.
Ему придумалось-то съездить во цисто́ полё;
Как поехал он да позабавитьце
Он тима́-ти ведь дворяньскима забавами:
Пострелять-то он поехал гусей, ле́бедей,
Он пернясцатых-то мелких всё он утоцёк.
Он наехал во цисто́м-то поли три могуцёго бога́тыря,
Три того ли он три братёлка Борисьёвых:
Во цисто́м-то поли они деля́т всё красно золото,
Говорит-то Илья да таковы реци:
— Уж вы гой еси, три брата три Борисьёва!
Уж вы дайте-ко вы мне да красна золота.
Говорят-то ёму братьици Борисовы:
— Тебя скоро разлуци́м, стар, со белы́м светом.
Говорит-то казак да Илья Муромець:
— Шьто у старого, у бедного взеть нецёго,
Взеть-то нецёго вам, всё живота ведь нет:
Только есь у мня, у старого всё у седатого,
Що три есь у мня три стрелки всё каленыя;
Я стреляю ети стрелки по белым дням,
Собираю ети стрелки по тёмны́м ноцям:
По ноцям-то у мня стрелки как свешши́ горят.

Натягат скоро Илья да ведь он ту́гой лук,
Он спускаёт Илья Муромець всё калену́ стрелу;
Он застре́лил тут трех братьицей Борисьёвых,
Обирал-то он ведь тут злато-се́ребро,
А приехал-то ведь тут да в кра́сён Киев-град,
В кра́сён Киев-град приехал, ко князю на широ́кой двор.
Он дарил-то тут ети подароцьки,
Подарил-то злато-се́ребро ведь ласковому князю со княгиною,
Со княгиной с Опраксе́ей с королевисьнёй.
Ишше князю-ту Владимиру ети подароцьки ему всё полюбилисе;

Он отдаривал ведь князь да всё Владимир-от,
Подарил-то ёму шубоцьку-кошу́лёцьку;
Да потя́нута шуба всё камцяткой мелкотравцятой,
На Владимире-то шубка как огонь горит.
Тут ведь вси-ти бояра на его розгневались,
На того ли казака всё Илья Муромця;
Тут бояра насказали на Илью князю Владимиру:
— Що ж ты ой еси, ты красно наше солнышко Владимир-князь!
Напилсе ведь Илья всё зелёна́ вина;
Он ведь ходит всё по городу по Киеву,
Он воло́цит ету шубку за един рукав,
Он воло́цит, сам ко шубки приговариват:
— Волоци́-тко-се ты шубку за един рукав,
Ай Владимира-та-князя за жёлты́ кудри!
Опраксею-королевисьню я за собя возьму.
Ишше тут-то князь Владимир пообидилсе;
Приказал-то копать по́дкопы глубокия,
Що глубокия пещеры ёму смёртныя;
Засадил он Илью Муромця с добры́м конем.
Тут узнала всё про ето цюдо цюдноё
Молода-то ведь княгина Опраксея-королевисьня,
И сама она тому да приросплакалась:
— Що неладно-то Владимир дело сделал-то,
Занапрасно посадил да Илью Муромця:
Насказали всё ёму бояра кособрюхия.
Подкопала она по́дкопы други́ ёму,
Она вроди как пещер ёму спасёныих,
Уносила всё ему книгу евангельё,
Присылала ёму свешш всё воскояровых;
Що сама-та пила, ела, она кушала,
Она тем же кормила Илью Муромця;
Она так ёго кормила, щобы князь не знал;
Ай добра́ коня спускали в зелёны́ лужка,
В зелёны́ лужка спускали, в шолкову́ траву.
Ай с того-то всё горя, горя великого
Тут уехало двенадцеть всё бога́тырей:
В перву голову уехал Самсон Сильния,
Во вторых-то уехал Пересмяка со племянницьком,
Тут ишше́-то как уехал всё Цюрило-свет всё Пле́нковиць,

Да ишше́-то тут уехал всё Добрынюшка Никитиць млад,
Да ишше́ да тут уехал всё Олешенька Поповиць млад,
Да ишше́ да тут уехал всё ведь Дунаюшко Ивановиць;
Тут уехали бога́тыри — не всё ведь мы их знам да как их имене́м-то звать.
А ишше́-то с того горюшка великого
Да убилсе тут Добрынюшка Никитиць млад
Он о тот ли о горюцёй о сер ка́мешок:
— Олишили токо Илью-то всё бела́ свету,
А не буду без ёго да я на свети жить!
Ай прошло-то тому времени не год, не два,
Шьто не год, не два прошло ведь, братцы, да не три года,
Шьто прошло-то тому времени, тому три месяця;
Що прошла-то скоро вестоцька по всей земли,
Що по всей прошла земли по Святоруською;
Да дошла-то ета вестоцька до земли-то до поганыя,
Как до той ли до орды, до Золотой земли,
Там ведь жил-то был да всё собака Ка́ин-царь,
Собака Ка́ин-то царь да царь Кали́новиць.
Он заслушал, що нет живого Ильи Муромця;
Подымаетце собака ише Каин-царь,
Ише Каин-от-царь да всё Кали́новиць,
Он со тем ли со своим сыно́м с любимыим;
За сыно́м-то всё идет силушки всё несцётно-то:
Идет сорок-то цярей за им, цяревицей,
Идет сорок королей, всё королевицей;
Ай за кажным за царем да за цяревицём,
Що за кажным королем, за королевицём
Що идет-то ведь силушки по сороку всё тысяцей,
Ай за зе́тём силы-то идет да цисла-смету нет,
За самим же за собакой царем Каином
Идет силушки за им — да цисла-смету нет.
Тут не вёшна всё вода да розливаласе,
Всё тотарьска-та сила-та подвигаетце,
Ко тому-то всё ко городу ко Киеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру,
Що ко тем ли ко церьквам божьи́м соборныим,
Що соборныим, к церьквам всё богомольныим,
Що ко тем цюдны́м крестам животворяшшиим,
Ай ко тем ли ко мана́стырям к спасёныим.

Сам выходит царь-собака из бела́ шатра,
Що собака-та выходит ише Каин-царь,
Ише Каин ведь царь да Калинович,
Ай выходит собака, похваляетце.
Подошла сила ведь за́ версту́ за мерную;
Замогли́-то продувать да ветры буйныя,
Замогло́-то пропекать да красно солнышко
От того ли всё от духу от поганого,
От поганого от духу, от тотарьского,
От того ли всё от пару лошадиного.
Говорит-то ведь собака ишше Каин-царь,
Ишше Каин ведь царь да всё Калинович:
— Выходи-тко вы, всё да три тотарина,
Три тотарина вы всё да три поганого!
Вы пишите вы ско́ре-ко мне-ка грамотку,
Вы пишите мне-ка грамотку да всё вы руськую,
Не пером-то вы пишите, не цернилами,
Не по белой по ербо́вой по бумажоцьки, —
Вы по рыту-ту пишите всё по бархату,
Дорогим-то вы пишите сухим красным золотом,
Уж мы как ведь зайдем да в красен Киев-град.
Ишше тут ему тотара отказалисе:
— Мы не знам, не знам писать-то, всё ты Каин-царь,
Всё ты Каин-царь да всё Калинович!
Не умем-то мы писать всё гра́мотки всё руською.
Закрыцял-то тут собака по-звериному,
Засвистел-то тут собака всё по-соловьиному:
— Уж вы гой еси, тота́рева-булановя,
Уж вы ти всё стихари всё получе́вныя!
(Писаря, значит, по-ихному),
Вы пишите скоро грамоту тотарьскую,
Ай тотарьску вы грамоту, немецкую,
Ай пишите вы про князя про Владимира:
«Ай мы князя с Владимира мы кожу всё с жива́ сдерем,
Опраксею-королевисьню мы всё с собой возьмем,
Увезем-то мы всё ей да во свою землю».
Они скоро написали ету грамотку;
Тут пошли-то ведь скоро́ всё три тотарина;
Ай приходят они ко князю на широкой двор,

С широка́ двора в полаты в белокаменны;
Принесли-то они грамотку тотарьскую.
Говорят-то они князю Владимиру
Всё не руським язы́ком-то, своим они:
— Получай-ко, князь Владимир, скору грамотку
Ай от нашого царя, царя от Каина,
Що от Каина-царя да всё Кали́новича.
Тут как стали скоро роспецятывать;
Как по ихной-то всё пало по уцести:
На ту пору-то приехал тут Олешенька всё из циста́ поля,
Попроведать-то приехал всё он князя со княгиною.
Он ведь брал-то скоро грамотку, россматривал,
Он россматривал грамотку-ту, всё ведь он процитывал,
Ишше всё-то у тотарина написано:
— Мы зайдем-то ведь мы завтра в кра́сён Киев-град,
В красён Киев мы град ко князю ко Владимиру;
Мы не будём у его отсекать да буйной го́ловы,
Мы ведь будём ёго муцить-то мы муками:
У жива́ да мы ведь кожу-ту сдирать будём;
Опраксею-ту мы королевисьню мы с собой возьмем.
Они стали-то цитать, да все заплакали.
Говорит-то князь Владимир таковы слова:
— Уж вы гой еси, тота́рява поганыя!
Вы мне дайте-ко мне строку да трои́ мне сутоцьки:
Отслужить-то мне обедни со молебнами,
Со молебнами мне да с панафидами.
— Не даи́м-то тебе строку́ на три де́ницька.
Тут заплакало-то нашо-то да солнышко,
Да по имени наш да всё Владимир-князь:
— У мня вси теперь в розъезди вси бога́тыри;
Теперь некому стоять будёт за веру православную,
Православну-ту веру, за божьи́ церькви,
За божьи-ти за церьквы́, за золоты кресты,
За золоты-ти кресты-ти стое́ть, за князя, за княгину-ту!
Говорит тут Опраксея таковы реци:
— Уж ты гой еси, ты красно мое солнышко,
— Ишше князь ты всё, Владимир стольнё-киевской!
Уж ты дай-ко россказать, мне всё поведать-то;
Я ноцесь мало спала, да много во сни видяла;

Как Илья-та ведь у нас будто живёхонёк,
Как живёхонёк у нас он, здоровёхонёк.
Говорит-то князь Владимир таковы слова:
— Кабы был у нас Илья кабы живёхонёк,
Не боелись бы собаки царя Каина,
Не розорил бы у нас да красна града Киева,
Не погубил бы у нас да всё божьи́х церквей,
Не убил бы тогда меня, князя Владимира,
Он не вырубил тогда бы всё со старого до малого!
Говорила Опраксея-королевисьня:
— Я скажу-ту всё тебе, правду поведаю:
Занапрасно посадил ты Илью Муромця;
Сохранила я ёго от смерти от голодныя;
Я поила-то ёго, корьмила всё любы́м куском,
Я тайком-то от тебя тольки, Владимир-князь.
Ты простишь ли теперь меня в такой вины?
— Тебя бог простит, всё Опраксея-королевисьня!
Да пойдем-ко мы Илью звать, низко кланитьце.
Ай приходят в пещеры-ти спасёныя;
Ему кланеитце князь Владимир-от низко́й поклон:
— Ты прости меня, старая старыньшина,
Уж ты славной мой казак да Илья Муромець,
Илья Муромець да сын Ивановиць,
Ты прости, прости меня всё виноватого!
Говорил-то тут Илья, да Илья Муромець:
— Тебя бог простит, да красно нашо солнышко,
Тебя бог простит, да всё Владимир-князь!
Не своим-то ты умом да дело здумал делати:
Насказали-то тебе бояра кособрюхия.
Он ведь скоро выходит из по́дкопов — пеще́р спасёныих,
А служили всё обедни-то да со молебнами,
Со молебныма всё, с панафидами,
Що во тих ли во божьи́х церьква́х соборныих,
Во соборныих церква́х да богомольныих,
Що у тих ли у попов, отцей соборныих.
Ай приходят во полаты из божьёй церквы́,
Он садит-то всё Илью да всё за дубовой стол,
Наливает ему цярочку всё зелёна́ вина,
Зелёна́-та вина цяру полтора ведра;

Он ишше́-то наливает пива пьяного,
Пива пьяного ему да полтора ведра;
Он ишше́-то наливает меду сладкого,
Меду сладкого он да полтора ведра.
Ишше стал-то тут Илья всё поговаривать;
Сшевелились у ёго всё могуци́ плеци,
Розыгралась-то в ём силушка великая,
Всё вели́ка-та сила богатырьская;
Он ведь скоро ведь стават всё на резвы́ ноги.
Он ведь скоро тут выходит всё из-за дубова́ стола;
Он молилсе-то всё тут богу-господу,
Всё царици-то небесной, божьёй матери,
Благословлялсе всё у князя со княгиною;
Он как скоро выходил сам на широкой двор,
Говорил скоро́ таки́ да реци горькия,
Реци горьки говорил да всё обидилсе:
— Тебе бог тебе судья, ты нашо красно солнышко,
Красно солнышко, Владимир славной киевськой!
Розлуцил ты всё меня да со добры́м конем,
Со добры́м меня конем всё с Вороне́юшком!
Ай выходит на широ́ку светлу улочку;
Он понес тольки в руках одну востру́ саблю,
Он ишше понес в руках всё палицю свою цяжолою,
Он цяжолу-ту палицю всё сорока пудов;
Он ишше́ же понес копье всё брузаменьское.
Недале́ко отошел от города от Киева:
Тут бежит-то всё ёго да бежит доброй конь,
Бежит доброй ёго конь всё Воронеюшко;
Обнимат своёго ножками любимого хозяина,
Говорит своим язы́ком целовеческим:
— Я ходил-то, всё я бегал по зелены́м лужкам.
Всё я кушал-то траву, траву шолко́вую,
Уж я пил-то всё свежу́ воду ключо́вую,
Я не мог забыть любимого хозяина,
Я своёго-то всё старую старыньшину,
Я того ли всё Илью, да Илью Муромця,
Илью Муромця я, сына Ивановича,
Во сегодёшной-он мне да во денёцек-от
Приоткрылась мне дорожка токо к Киеву.

Тут садилсе доброй молодец всё на добра коня,
Он поехал во те ли степны́ леса Саратовы,
Из тёмны́х из тех лесов всё на круту гору́,
Що на ту-то на круту гору́ на Арависькую,
Арависькую на го́ру на укатисту.
Выезжал-то тут Илья, да Илья Муромець,
Посмотрял с стой горы во трубоцьку подзорную;
Хоть-то думат доброй молодец, роздумыват:
— Этой силы на добро́м кони́ мне-ка будёт не о́бъехать,
Как серу́-ту всё волку́ будёт не о́бёжать.
Помолилсе на восток всё богу-господу
Он во ту ли во востоцьню всё в стороноцьку
Ко тому ли ко мана́стырю спасёному,
Ко тому ли ко Онтонию, Феодо́сею.
Да поехал-то он тут да доброй молодець,
Ишше конь-от у ёго да как соко́л летит,
Що Илья-та на кони́ да всё розмахиват
Он своей-то всё он палицей тяжолою;
Он всё палицёй-то бьет-то силу, всё саблёй секет,
Он копьем-то колет, больше конь топцет.
Он ведь сутоцьки бил силу, други пошли,
И други-ти пошли сутки, третьи́ пришли;
Он добралсе до само́го царя Ка́лина;
Говорит-то он ёму да таковы слова:
— Теперь буду у собаки я кожу с жива́ сдирать,
Отмешшу разве тебе, собака, я слово похвальнёё;
Да не нать бы тебе, собака, всё хвалитисе,
Переди́-то страшать князя Владимира!
Ты пеце́лил всё у мня моёго красна солнышка,
Проливал ты ведь всё у ёго у князя горюци́ слёзы.
Ты тепереце, собака, у меня в руках;
Я не буду-ту марать свои белы́ руки
О того я поганого тотарина,
О того ли о собаку царя Каина,
Я приму тебя, возьму я на востро́ копье,
Ростопцю тебя за то, возьму своим добры́м конем.
Он убил-то тут собаку царя Каина,
Он убил-то у ёго сына любимого;
Он убил-то у ёго зетя любимого;

Не оставил-то он силушки на се́мяна.
Бога́тыри-ти там ведь спят в шатрах, не ведают,
Они спят в шатрах да всё не знают-то.
Поехал Илья Муромець во Киев-град;
Приезжает он ко князю ко Владимиру,
Приезжает ведь он всё на широкой двор;
Он ведь бросил востру саблю, не повесил ей,
Говорит-то всё ведь он свое́й востро́й сабли́:
— Полёжи ты, моя сабелька, немножоцько,
И не служат у меня да руцьки белые,
Не могу тебя повесить-то на спичёцьку,
Я изьбилсо доброй молодець в цисто́м поли.
Не пивал ведь, не едал я трои сутоцьки.
Тут услышели скоро́ ведь всё придверницьки,
У ворот-то ведь да всё приворо́тницьки,
Донесли-то скоро́ они ласковому князю всё Владимиру,
Що приехал осударь наш Илья Муромець.
Говорили-то они князю Владимиру:
— Он приехал ведь у нас всё голоднёхонёк.
И идет-то скоро красно нашо солнышко,
На ши́роком двори у нас россве́тило,
Со своей-то со княгиной с Опраксею с королевисьню.
Как берут-то Илью да за белы́ руки,
Обнимаёт князь Владимир-от за шею за белу́ его,
Прижимает он к своёму к ретиву́ сердцю:
— А ведь цим теперь-то я тебя дарить буду,
А дарить-то всё я буду, цим ударивать?
Наградить надоть наградушкой тебя великою.
Говорит-то ведь ста́рой казак Илья Муромець:
— Мне ненадобно твои-ти, князь, подароцьки;
Заслужила мне-ка Опраксея-королевисьня,
Що избавила меня от смерти всё от скорою,
Що от смерти мне скорою от голодною.
Говорил-то князь Владимир таковы реци:
— Я могу сделать тебя князём, боярином.
— Мне ненадобно на сём свети слава сосветная;
Я не буду жить да на двори у тя,
Я не буду слушать-то бояр всё кособрюхиих,
Лучше буду я ездить по цисту́ полю.

Собирал-то для ёго-то нашо красно солнышко,
Ишше ласковой князь да всё Владимир-свет,
Собирал-то для ёго всё пир великой-от
А й на целую недельку поры-времени;
Щобы́ собрать-то всех могуциих бога́тырей,
Щобы́ собрать-то всех князьей да щóбы бóяров.
Щобы всех простых хрисьян прожитоцьных,
Щобы за здравье щобы ели, пили, кушали
Не за князя щобы́, не за княгину-ту, —
Щобы за славного могуцёго бога́тыря.

(Записано А. В. Марковым 19 июня 1899 года на Зимнем берегу Белого моря в деревне Нижняя Золотица от Аграфены Матвеевны Крюковой, 45 лет.)

Беломорские былины, записанные А. Марковым. С предисловием проф. В. Ф. Миллера. М., 1901.